

A romantic couple in a dark, gothic setting. The man, on the left, has dark, wavy hair and a beard, wearing a dark, worn leather jacket. The woman, on the right, has long, dark, wavy hair and is wearing a dark, lace-trimmed dress. They are leaning in and kissing. The background is a light, textured wall with several red roses scattered around. A large, dark red heart-shaped stain is visible in the upper right corner. The overall mood is romantic and mysterious.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

СКУФ И МИЛФА.
ЭКЛЕР НА ДВОИХ

Сергей Патрушев

Скуф и милфа. Эклер на двоих

«Автор»

2026

Патрушев С.

Скуф и милфа. Эклер на двоих / С. Патрушев — «Автор», 2026

Говорят, что судьба — это дама с фантазией. Иногда она подстраивает встречи в опере, иногда на берегу океана. А иногда в кафе, где пахнет корицей, а единственное свободное место за столиком у окна. Но Юлия, успешная бизнес-леди, и Антон, скромный IT-специалист с гордым званием Скуфа, ещё не знали, что судьба в этот раз решила не мелочиться и уронила с прилавка эклер. С этого момента и начинается история, в которой нашлось место всему: нелепым танцам, кухонному рэпу, гонкам на виртуальных спорткарах, рыбалке с тремя рыбами и миллионом зрителей, фиолетовому бриллианту, тихой свадьбе в Монако и одному очень надменному коту по имени Граф. А ещё сырникам, которые иногда подгорали. И любви, которая не подгорела ни разу. Романтическая комедия, притворяющаяся историей из жизни. Это книга о том, что настоящая любовь узнаётся не по фанфарам, а по смеху. Что самые прочные союзы строятся не на идеальности, а на умении делить одно пирожное на двоих.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Скуф и милфа. Эклер на двоих

Глава 1. Эклер на грани катастрофы

Это был маленький подвальный кафе-бар на пересечении двух шумных улиц, место, которое, казалось, существует вне времени. Заведение с гордым названием «Убежище» настолько трепетно охраняло свой полумрак, что даже в солнечный полдень здесь царил интимный сумрак, а лампочки под старинными абажурами горели вполнакала, словно стесняясь лишний раз напоминать посетителям о внешнем мире. Именно там, в смеси запахов старого дерева, пыльных книг, забытых кем-то на подоконнике, и свежемолотого кофе, пересекались их вселенные.

Антон заглянул туда исключительно ради живительного эспresso, чтобы хоть как-то разогнать вязкую сонливость бесконечного обеденного перерыва, плавно перетекающего в тоскливый вечер. Вообще-то, его обеденный перерыв закончился час назад, но в IT-отделе крупной компании существовало негласное правило: если никто не кричит, что всё сломалось, можно считать, что ты на передовой невидимого фронта и заслужил внеочередной перекур с кофе. Мир Антона состоял из домашней футболки с растянутым воротом — той самой, с легендарным пятном от соуса терияки, которое не брал ни один стиральный порошок, что превратило его в предмет своеобразной гордости, — слегка помятого от постоянной сидячей работы лица и особого, философского отношения к реальности. Это отношение в народе ласково зовут «скуфским». Антон комфортно устроился в этом статусе, как в старом разношенном кресле, принимая лишний вес, залысины и любовь к тихим радостям жизни без бунта и надрыва. Он даже величал себя в шутку «скуфом-аристократом», потому что пил не просто пиво, а крафтовое, и чипсы предпочитал с паприкой, а не с беконом.

У стойки он лениво помешивал свой кофе, наблюдая, как бариста — парень с бородой, как у лесоруба, и татуировкой в виде кофейной веточки на предплечье — пытается изобразить на пенке латте сердечко и каждый раз получает нечто, больше похожее на кардиограмму человека, пережившего сильный стресс. Антон оценил старания молчаливым кивком: мол, я тебя понимаю, бро, у меня самого все отношения выглядели примерно так же. Да уж, последнее свидание у него было примерно в ту эпоху, когда смартфоны еще имели кнопки, и закончилось оно феерическим провалом — девушка спросила, кем он видит себя через пять лет, а он честно ответил: «Выспавшимся».

Дверь «Убежища» распахнулась, и в зал впорхнула Юлия. Нет, не так — не впорхнула, а ворвалась, как весенняя гроза, о существовании которой никто не подозревал еще минуту назад. Она была абсолютным воплощением энергии — дорогой, идеально скроенный брючный костюм цвета ночного неба сидел на ней как влитой, подчеркивая уверенность зрелой, знающей себе цену женщины. От нее веяло дорогими духами с нотами кожи и белых цветов и той самой небрежной властностью, которой обладают только очень успешные и умные люди. Антон даже не сразу понял, что неприлично долго пялится на то, как изящно она придерживает у уха айфон, одновременно диктуя кому-то в трубку жесткие указания бархатным, низким голосом. Голосом, от которого у его внутреннего скуфа что-то дрогнуло в районе диафрагмы. Она была из другого теста, с другой планеты, с орбиты тех, кого называют милфами — не просто возрастной ярлык, а состояние души, помноженное на интеллект и жизненный опыт.

Бариста, при виде такой гостии, тут же выпрямился и попытался изобразить что-то вроде строевой стойки, чем заработал удивлённый взгляд Антона. Тот мысленно поставил парню «двойку» за субординацию: перед обычным скуфом он пенку-калеку рисовал, а тут — вытянулся, как на параде. Антону стало немного обидно за все скуфское сообщество.

Случайность произошла мгновением позже. Юлия, закончив разговор, резко развернулась на своих умопомрачительных шпильках, чтобы взять заказ, и не заметила крафтовый пакет с какими-то её бумагами и купленным только что в кондитерской эклером, стоящий на соседнем стуле. Пакет, изданный тихий шорох, словно прощаясь с жизнью, начал заваливаться в сторону пола. Время для Антона замедлилось. Он увидел это так отчетливо, будто смотрел слоу-моушен сцену из фильма про катастрофу: эклер, нежный, наверняка с заварным кремом и шоколадной помадкой, летит навстречу своей гибели, на грязный пол, где его ждет бесславный конец под чьим-то ботинком сорок пятого размера. Антон, чья реакция в быту была куда быстрее, чем в спортзале, и чьи рефлексy были отточены годами ловли падающих бутербродов маслом вниз, совершил невозможное. Он нырнул, как вратарь за решающим пенальти, выбросил руку и поймал пакет в сантиметре от пыльного паркета.

Триумф, однако, имел свою цену. По инерции Антон проехался коленом по полу, больно ударился локтем о соседний стул и замер в чрезвычайно нелепой позе — стоя на одном колене перед незнакомой женщиной с пакетом в вытянутой руке, словно рыцарь, вручающий даме сердца не меч, а кондитерское изделие. Колено неприятно ныло, локоть горел, но эклер был спасен. Их взгляды встретились. Она смотрела на него сверху вниз — высокая, подтянутая, ухоженная, — а он снизу вверх, чуть неловко, с красным пятном на щеке от того, что приложился ею о спинку стула, и его простое, открытое лицо выражало столько искреннего участия и немного торжества, что Юлия на секунду забыла о своем вечном расписании. Впервые за долгое время кто-то совершил ради нее поступок, и этим поступком было спасение десерта.

Он поднялся, отряхивая колено и стараясь не морщиться от боли. Антон боролся с желанием пошутить про «пятьдесят оттенков паркета», но вовремя одернул себя. Он не стал говорить банальностей вроде «вы что-то уронили». Вместо этого, заметив на пакете логотип кондитерской, он с ноткой подлинного сожаления, достойной театральной сцены, произнес: «Кажется, самый трагичный момент в этой истории — это судьба эклера. Он пострадал бы первым. Я видел его потенциальную гибель в замедленной съемке, и уверяю вас, это было душераздирающее зрелище». Юлия, привыкшая к комплиментам о своей внешности или заискивающему тону подчиненных, неожиданно для себя рассмеялась. Это был искренний, звонкий смех, который совершенно не вязался с её образом строгой бизнес-леди. Она взяла пакет, заглянула внутрь и сказала: «Эклер выжил. Вы только что совершили подвиг. Героический поступок во имя кондитерской. Как мне вас благодарить? Орден подвинуть?» Антон почесал ушибленный локоть и философски заметил: «Орден — это лишнее. А вот если вы разрешите мне купить вам кофе в качестве компенсации за стресс, который пережил эклер, это будет справедливо». Юлия изогнула бровь. Обычно кофе предлагали купить ЕЙ. Схема была стандартна до зубного скрежета, но сейчас все летело кувырком. «Вообще-то, кофе здесь уже включен в мой заказ, так что ваш ход неоригинален», — парировала она с улыбкой. Антон не растерялся: «Тогда я предлагаю более рисковую сделку. Давайте разделим этого эклера. Если он окажется невкусным, значит, я зря рисковал коленом, и вы имеете право меня высмеять. Если вкусным — вы расскажете мне, где купили его, чтобы я знал, за какое кондитерское изделие в следующий раз ломать второе колено».

Эта абсурдная логика почему-то сработала. Юлия, которая за последние пять лет не соглашалась ни на одно спонтанное предложение, вдруг обнаружила, что сидит за столиком в углу с незнакомым мужчиной в растянутой футболке, делит пополам тот самый злополучный эклер и смеется над рассказом о том, как он однажды попытался приготовить ужин для свидания и чуть не спалил кухню, потому что перепутал сахар с солью в таком количестве, что получившийся пирог можно было использовать как противогололедный реагент. Она, в свою очередь, сняла броню «большого босса» и вдруг призналась, как смертельно устала от партнеров, которые либо пытаются ею манипулировать, либо заглядывают в рот. Она рассказала, как один кавалер в ресторане пытался впечатлить ее знанием итальянского, заказал «penne al baffo» и с ужасом узнал, что это не изысканное блюдо, а паста «с усами», которая на самом деле называется совсем иначе. Антон хохотал так заразительно, что на них начали оборачиваться другие посетители. В его глазах не было ни зависти к её статусу, ни пошлого раздевающего интереса. Там было что-то удивительно спокойное, теплое, какое-то щемящее принятие.

Их связь родилась не из флирта, а из этой внезапной, неожиданной душевной созвучности. Юлия, пресыщенная глянцевыми мужчинами, вдруг с удивлением обнаружила, что ей невероятно комфортно с этим чуть нелепым в своей простоте человеком. Ей захотелось опереться на его надежное, хоть и не рельефное плечо. Антон же, всегда считавший женщин такого уровня недостижимыми «богинями с Олимпа», увидел в ней живую, уставшую и немного одинокую женщину, которая прячет ранимость за безупречным макияжем. Их разговор затянулся на три часа. Они выпили весь кофе, который был в баре, заставив баристу трижды включать кофемашину, и съели не только тот самый злополучный эклер, но и еще два, по требованию Юлии, потому что «спасенный десерт всегда вкуснее обычного».

Они начали встречаться как-то естественно и без громких заявлений. Это не были свидания в пафосных ресторанах с мишленовскими звездами, где надо держать спину и знать все правила этикета. Антон повел ее в первую же пятницу в старый кинотеатр на ретроспективу фильмов Хичкока, и перед сеансом умудрился перепутать попкорн: взял соленый вместо сладкого, на что Юлия заявила, что это знак — она тоже соленая внутри, несмотря на сладкую внешность. После фильма они долго гуляли по сонному городу, и она, продрогнув, с наслаждением укуталась в его огромную, нелепую, но такую теплую кофту. Кофта пахла кондиционером для белья и чуть-чуть — терияки, и Юлия поймала себя на мысли, что этот запах ей нравится больше, чем все ее коллекционные ароматы.

Забавные моменты преследовали их повсюду. Однажды Антон решил устроить романтический ужин дома, и дым от подгоревшего стейка был такой густой, что пришлось эвакуировать кота Юлии, персидского сноба по кличке Граф, на балкон. Граф после этого еще неделю смотрел на Антона с выражением глубокого презрения, словно говоря: «Ты, человечешка, даже консервы открываешь неправильно». В другой раз Юлия, привыкшая к тому, что все вопросы решают ее ассистенты, попыталась самостоятельно собрать стеллаж из ИКЕА по инструкции, которую Антон называл «древнескандинавскими рунами». Через час она сидела на полу, окруженная кучей деталей, с отверткой в зубах и выражением вселенской обиды на лице, а Антон, давясь от смеха, фотографировал ее на телефон с подписью «Генеральный директор против шкафа. Счет 1:0 в пользу шкафа». Юлия потом отомстила: потащила его на благотворительный бал, где Антон, выраженный в смокинг и чувствовавший себя пингвином на выданье, умудрился перепутать фуршетные вилки и съел десерт рыбной вилкой, чем вызвал беззвучную истерику у сидевшей рядом пожилой аристократки.

Он познакомил ее с миром тихих радостей: домашними пельменями, слепленными в четыре руки (их пельмени получались кривыми, как будто их лепили дети, но Юлия говорила, что это авторский стиль), настольными играми под виниловый проигрыватель и поездками за город на электричке без определенной цели. Юлия же открыла для него мир утонченных удовольствий, но без снобизма — научила различать оттенки танина в вине и смотреть на современное искусство так, чтобы это не вызвало скептической усмешки. Правда, на первой же выставке современного искусства Антон, глядя на инсталляцию из пылесосов в целлофане, глубокомысленно заметил: «Это напоминает мне мою кладовку, я требую признания себя современным художником», и был за это удостоен толчка локтем в бок от смущенной Юлии.

Она смотрела на него с нежностью, когда он, старательно нахмурившись, пытался угадать три ноты в её любимом парфюме, и выдвинул версию «огурца с мятой и капелькой слез его бывшей», чем заставил ее хохотать до слез. Она понимала, что впервые в жизни она не играет роль и не тянет одеяло на себя. Он принимал её всю, с её властностью и внезапными приступами нежности, с её прошлым и её страхами. А она, впервые за долгое время, чувствовала себя не просто любимой женщиной, а маленькой девочкой, которую балуют и защищают. Их история любви была похожа на тихую гавань, где импозантная яхта нашла приют рядом с надежным, немного неуклюжим, но очень крепким буксиром. И однажды вечером, сидя на кухне и поедая пригоревшую, но сделанную с душой яичницу, Юлия сказала: «Знаешь, если бы кто-то месяц назад сказал мне, что я буду счастлива с человеком, который называет себя скуфом-аристократом, я бы вызвала ему санитаров. А сейчас я думаю: хорошо, что эклер упал». Антон улыбнулся и ответил: «Он не упал. Он совершил контролируемый полет в сторону нашей судьбы». И они точно знали: эта случайная встреча была самой неслучайной вещью на свете.

Глава 2. Танец скуфа, который рассмешил милфу

Прошло около двух недель с того судьбоносного падения эклера. Антон и Юлия виделись почти каждый вечер, и каждый раз это было похоже на маленькое приключение, в котором скуф-аристократ и бизнес-леди открывали друг друга заново, словно археологи, раскапывающие древний город, полный сюрпризов. Антон уже знал, что Юлия терпеть не может, когда кофе остывает хотя бы на градус, а Юлия выучила, что Антон категорически не способен запомнить, где лежат его ключи, и каждое утро начиналось с его ритуального бормотания: «Ну, кто так живет, а?». Она уже дважды находила его ключи в холодильнике, рядом с открытой банкой соленых огурцов, и один раз — в ванной, в стакане с зубными щетками. Когда она спросила, по какой логике они оказались там, Антон глубокомысленно ответил: «Очевидно, я подсознательно хотел, чтобы мои ключи соблюдали гигиену».

Но настоящее испытание ждало их на корпоративе.

Юлия получила приглашение на ежегодный бал своей юридической фирмы — мероприятие с громким названием «Вечер Фемиды», которое традиционно проходило в арендованном особняке с колоннами, хрустальными люстрами и живым джазовым оркестром. Для Юлии это была обязательная программа: партнеры, клиенты, разговоры о перспективах, бокал шампанского, натянутая улыбка. Но впервые за пять лет ей не хотелось идти туда одной. Она подошла к вопросу с присущей ей деловой хваткой: пригласила Антона официально, вручив ему пригласительный билет, отпечатанный на дорогой бумаге, с золотым тиснением и вензелями, от одного вида которых у Антона вспотели ладони.

— Значит так, — объявила Юлия вечером накануне, сидя в его маленькой, но уютной гостиной и рассеянно почесывая за ухом Графа, который на удивление к ней привязался, а на Антона продолжал смотреть как на досадное недоразумение. — Дресс-код — black tie. Это значит смокинг, бабочка, лакированные туфли. Никаких футболок с теряки, Антон. Даже не думай.

Антон нервно сглотнул. Смокинг в его гардеробе отсутствовал по определению. Самым парадным предметом одежды у него был темно-синий пиджак, купленный на распродаже три года назад, который он надевал ровно один раз — на свадьбу друга, где его случайно облили компотом, и на подкладке до сих пор красовалось едва заметное розовое пятно, как напоминание о том, что свадьбы — это опасно. Он честно предпринял героическую попытку найти смокинг в прокате. Девушка в салоне, оценив его габариты, долго перебирала вешалки, а потом с облегчением выудила костюм, который, по её словам, «почти идеально сел». На деле это означало, что Антон мог дышать в нём только при условии, что не будет делать резких движений и вообще постарается не существовать слишком активно. Брюки предательски тянули в поясе, а рукава пиджака, казалось, были сшиты для человека, у которого руки растут откуда-то из области шеи. Но выбора не было. Антон глянул на себя в зеркало и вздохнул: в этом наряде он напоминал пингвина, который не прошёл кастинг в мультфильм «Мадагаскар» из-за врождённой несурзности.

Вечер начался с того, что Антон, выходя из такси у парадного входа в особняк, зацепился бабочкой за ремень безопасности и, пока Юлия расплачивалась с водителем, провёл самые длинные десять секунд своей жизни, пытаясь отстегнуться с видом человека, который делает это исключительно по собственному желанию, а не потому, что он пристёгнут к машине, как собачка к поводку. Бабочка, кстати, оказалась на резинке, и эта резинка всё время норовила уползти ему куда-то под воротник, оголяя шею. Юлия поправила её одним изящным движением, и Антон на мгновение почувствовал себя ребёнком, которого мама снаряжает на школьную линейку.

Внутри всё сияло. Хрусталь переливался, шампанское лилось рекой, мужчины в идеальных костюмах обсуждали котировки акций, а дамы в вечерних платьях демонстрировали украшения, от одного взгляда на которые Антону захотелось проверить, на месте ли его кошелёк. Он честно старался соответствовать: держал бокал за ножку, как учила Юлия, не клал локти на стол и даже попытался поддержать разговор с каким-то лысым господином, который оказался управляющим партнёром фирмы. Господин рассказывал про слияние и поглощение, а Антон кивал с таким умным видом, что сам почти поверил, будто разбирается в корпоративном праве. Почти. Потому что в какой-то момент он на автомате спросил: «А слияние — это консенсусное или всё-таки враждебное? Как в "Игре престолов"?», и лысый господин вытаращился на него так, будто увидел говорящего кота. Юлия деликатно кашлянула и увела Антона под руку в сторону бара.

— Ты что творишь? — прошипела она, но уголки губ предательски подрагивали. — Враждебное, как в «Игре престолов»? Серьёзно?

— Ну извините, я не знаю, о чём разговаривают акулы бизнеса! Может, у них действительно есть драконы и заговоры, — оправдывался Антон, и Юлия всё-таки приснула в кулак.

Но главный забавный момент наступил позже. Оркестр заиграл свинг, и танцпол заполнился парами. Юлия, которая в студенчестве занималась бальными танцами, грациозно дви-

нулась в центр зала. Она танцевала с одним из коллег — высоким, подтянутым, с челюстью, как у героя мыльных опер. Антон стоял у колонны, потягивал шампанское и чувствовал смесь восхищения и лёгкого укола ревности. Он смотрел, как она движется — легко, непринуждённо, идеально попадая в ритм. Она казалась частью этого мира, мира хрусталя и джаза, а он — случайным прохожим, который зашёл погреться.

А потом случилось то, что случается на всех корпоративах, где есть открытый микрофон. Ведущий — усатый мужчина с энергией плохо выпавшегося конференсье — объявил конкурс: «А сейчас, дамы и господа, танцевальный батл! Кто хочет показать себя? Выходите, не стесняйтесь, получите приз от нашего спонсора — сертификат на ужин в ресторане!».

Антон сделал глоток шампанского и тихо молился, чтобы никто не заметил его, спрятавшегося за колонной. Он даже живот втянул на всякий случай — так, насколько позволял предательский смокинг. Но судьба в этот вечер явно была настроена против него. Юлия, раскрасневшаяся после танца, подошла к нему, сверкая глазами.

— Иди, — сказала она.

— Куда? — не понял Антон, хотя уже догадывался, и догадка ему категорически не нравилась.

— На танцпол. Участвуй в конкурсе.

— Юль, ты перепила шампанского? Я? Туда? — он попытался сделать шаг назад, но колонна преградила путь к отступлению. — Я двигаюсь как стиральная машина в режиме отжима. Ты видела меня утром, когда я пытаюсь надеть носки стоя — я чуть не упал в шкаф. Какой танцевальный батл?!

— Антон, — она взяла его за руку и посмотрела тем самым взглядом, против которого у него не было никакой защиты, — мне тридцать девять лет. Я полжизни проработала в этом мире, где все такие правильные, такие идеальные, такие ужасно скучные. Я устала от мужчин, которые бояться выглядеть глупо. А ты — не боишься. И именно поэтому я хочу, чтобы ты сейчас вышел туда и станцевал так, как танцуешь дома, когда думаешь, что я не вижу. — Она сделала паузу, и в её глазах зажглись бесенята. — Давай, скуф-аристократ. Покажи им всем, что такое настоящее искусство.

Антон открыл рот, чтобы возразить, но понял, что слов нет. Она знала про его домашние танцы. Те самые, когда он в наушниках жарил яичницу и изображал рок-звезду, используя лопатку как гитару. Он думал, что Юлия в это время в душе. Оказалось, что нет. Оказалось, она подсматривала. Предательство. Заговор. Но в её глазах было столько азарта и какой-то неожиданной нежности, что Антон вдруг понял: он пойдёт. И будь что будет.

Он вышел на танцпол. Вышел один, под прицелом десятков любопытных глаз. Соперник — тот самый челюсть-из-мыльной-оперы — окинул его снисходительным взглядом и начал выдавать каскад движений, явно отработанных перед зеркалом: повороты, поддержки с воображаемой партнёршей, латинские па, которые смотрелись бы органично на конкурсе бальных танцев, а здесь выглядели немного как заявка на Оскар в категории «чрезмерная драма». Ему вежливо похлопали. Затем настала очередь Антона.

Он глубоко вздохнул. В голове пронеслась мысль: «Ну, в конце концов, я пережил падение эклера, пережил сборку шкафа ИКЕА, переживу и это». Он закрыл глаза на секунду, а когда открыл, то увидел только Юлию в дальнем конце зала. Она подняла бокал и одними губами прошептала: «Давай».

И тут Антона понесло.

Он начал с того, что снял пиджак и картинно отбросил его в сторону, метя в колонну, но промахнувшись и случайно уронив его на голову сидящему неподалёку скрипачу. Скрипач вздрогнул, пиджак сполз на пол, и оркестр на мгновение сбился, но тут же заиграл что-то ещё более зажигательное, будто подыгрывая разворачивающемуся безумию. Антон, оставшись в брюках, рубашке и сбившейся набок бабочке, начал двигаться. Это была гремучая смесь из всего, что он когда-либо видел в фильмах, и того, что его тело помнило смутно, на уровне рефлексов. Он вспомнил «лунную походку» — вернее, её жалкое подобие, при котором он не столько скользил назад, сколько просто пятился, загребая ногами паркет, как бык перед корридой. Он попытался изобразить волну телом, но волна дошла только до живота, застряла там, и получилось нечто, похожее на человека, который пытается проглотить арбуз и передумал на полпути. Затем последовал робот — но такого робота, подумала Юлия, отправили бы на свалку ещё в девяностых, потому что он двигался рывками и, кажется, вот-вот развалится на запчасти.

Но самое главное — Антон делал это с абсолютно серьёзным лицом. Он танцевал так, будто это был самый важный танец в его жизни, будто он находился не на корпоративе, а на сцене Большого театра. Он добавил туда пару па из народных танцев, которые помнил со школьных уроков физкультуры, немного шаффла, который выглядел как борьба с невидимыми кроссовками, и завершил выступление движением, которое сам назвал «вертолёт лопатой» — он просто начал вращать воображаемую лопату над головой, притопывая ногами в такт музыке.

Зал замер. На одну бесконечную секунду повисла тишина, и Антон уже приготовился к тому, что его сейчас выведут под белые рученьки и навсегда занесут в чёрный список всех мероприятий с живым оркестром. Даже бабочка, и та сползла окончательно, повиснув жалкой тряпочкой где-то под ухом.

И тут раздался смех. Громкий, искренний, залиvistый смех. Это смеялась Юлия. Она хохотала так, как не смеялась уже много лет — держась за живот, вытирая выступающие слёзы, забыв про макияж, про статус, про коллег, про всё на свете. Она смеялась, и этот смех оказался заразительным, как весёлый вирус. Сначала заулыбался скрипач, потирающий голову после встречи с пиджаком. Потом прыснула дама в жемчугах, которая минуту назад выглядела так, будто у неё во рту был уксус. Потом захохотал бармен, потом управляющий партнёр, который только что обсуждал враждебные поглощения. Через десять секунд смеялся весь зал, и это был не обидный, не насмешливый смех — это был смех облегчения, смех людей, которые устали быть серьёзными и наконец-то увидели что-то настоящее, живое, нелепое и от этого прекрасное.

Ведущий вытер пот со лба и объявил в микрофон, давясь от хохота: «Дамы и господа! Победитель очевиден! Сертификат на ужин и звание короля танцпола получает... мужчина, который только что изобрёл новый жанр!». Антон, тяжело дыша и вытирая лоб рукавом рубашки, подошёл за призом. Юлия, всё ещё всхлипывая от смеха, встретила его на полпути и просто упала в его объятия, даже не думая о том, что её платье мнётся.

— Ты... ты... — она пыталась отдышаться, — ты танцевал как скуф, которого подключили к розетке в двести двадцать вольт! «Вертолёт лопатой»? Серьёзно?! Где ты это взял?!

— Это эксклюзивная хореография, — ответил Антон с достоинством, поправляя бабочку, которая теперь напоминала не бабочку, а сдавшегося мотылька. — Запатентую и уйду на пенсию. Буду обучать молодых скуфов искусству выражения себя через абсурд.

— Ты невозможный человек, — прошептала Юлия, уткнувшись носом в его плечо, и в её голосе было столько любви, что Антон на мгновение перестал дышать. — Ты выставил себя клоуном перед самыми влиятельными людьми города. И знаешь что? Именно сейчас я поняла окончательно. Я тебя люблю. Люблю так, как никогда никого не любила. Потому что ты единственный, с кем я могу смеяться.

Антон смотрел на её сияющее лицо, на размазавшуюся от слёз тушь, на прилипшую ко лбу прядку волос, и чувствовал, как сердце делает кульбит где-то в районе горла. Он понял это ещё в «Убежище», когда делил с ней эклер. Он понял это, когда она смеялась над его горе-ужином. Он понял это, когда она сражалась со шкафом ИКЕА, сидя на полу с отверткой в зубах. Но сейчас он наконец-то мог сказать это вслух.

— И я тебя люблю, — сказал он просто. — Смокинг жмёт, бабочка душит, скрипач меня, кажется, хочет убить, но ты — лучшее, что случилось с этим скуфом со времён изобретения доставки пиццы.

Граф, узнав позже об этом вечере от Юлии (которая пересказывала историю всем, включая кота, уже в четвёртый раз), флегматично вылизал лапу и зевнул. Он, кажется, был единственным, кто не удивился. Он всегда подозревал, что у этого двуногого с залысинами есть скрытый талант к идиотизму. И именно за это Граф, пожалуй, начинал его уважать.

Глава 3. Рэп-баттл скуфа ради милфы

Прошел месяц после того самого корпоратива. История о «вертолёте лопатой» стала в юридической фирме Юлии чем-то вроде городской легенды: младшие партнёры пересказывали её стажёрам, стажёры пересылали друг другу короткое видео, чудом снятое барменом, а управляющий партнёр, тот самый лысый господин, при встрече с Юлией в коридоре однажды вдруг изобразил нечто, отдалённо напоминающее то самое па, и сказал: «Передайте вашему молодому человеку, что он открыл нам глаза на то, что такое подлинная корпоративная культура». Антон, узнав об этом, заявил, что теперь может смело вписывать в резюме графу «неформальный тимбилдинг-коуч».

Их отношения расцветали, как самый неожиданный, но прекрасный сад, где рядом с розами вдруг вырос весёлый одуванчик. Юлия, привыкшая планировать каждый час своей жизни, с удивлением обнаружила, что лучшие моменты случаются тогда, когда планов нет: ночной поход в круглосуточный супермаркет за мороженым, закончившийся тем, что они полчаса спорили, какой вкус фисташки более фисташковый; утренняя попытка Антона приготовить панкейки, в результате которой кухня оказалась в муке, а панкейки — похожими на карту незнакомого архипелага; тихие вечера, когда он читал ей вслух какую-нибудь фантастику, а она засыпала у него на плече, потому что его голос действовал на неё лучше любого снотворного.

И вот наступил день рождения Юлии. Тридцать девять плюс один — возраст, который она принимала с гордостью, но без лишнего шума. Антон, однако, считал иначе. Он хотел сделать что-то особенное, что-то такое, что она запомнит навсегда. Беда заключалась в том, что его бюджет был решительно не приспособлен для дорогих подарков, а его таланты лежали, скажем так, в довольно специфических плоскостях. Он умел переустанавливать Windows с закрытыми глазами, он мог починить протекающий кран с помощью изолянта и философского отношения к сантехнике, он виртуозно лепил пельмени кривой, но душевной формы. Но что из этого подарить женщине, у которой есть личный водитель и подписка на закрытые показы мод?

Ответ пришёл неожиданно, как и всё в их истории. В один из вечеров, когда Юлия задержалась на работе, Антон сидел у неё дома, пытаясь наладить контакт с Графом. Граф, как обычно, игнорировал его существование, но позволял находиться в одной комнате — что уже было прогрессом. Антон, от скуки и желания как-то себя занять, начал вполголоса читать какую-то ерунду, рифмуя всё подряд. Он не замечал этого, но ритм его бормотания постепенно превратился в бит: он отбивал такт ладонью по дивану и нанизывал слова на этот ритм, как шашлык на шампур. Получалось что-то похожее на рэп — неуклюжий, смешной, но рэп. Граф, не отрываясь, следил за ним жёлтыми глазами, и в его взгляде читалось что-то среднее между ужасом и любопытством.

И тут Антона осенило. Он напишет для Юлии стихотворение. Нет, не стихотворение — он зачитает ей рэп. Живой, искренний, от души, рэп, в котором будет вся их история: от падающего эклера до вертолёта лопатой. Это будет одновременно и признание в любви, и поздравление с днём рождения, и, если всё пойдёт хорошо, доказательство того, что скуф-аристократ способен на великие, хоть и немного нелепые поступки.

Весь следующий день Антон провёл в своём импровизированном логове — наушники на голове, листок бумаги, три ручки, потому что две первые он сгрыз от волнения. Он писал, вычёркивал, снова писал, бормотал под нос, пугая кота, который на всякий случай перебрался в другую комнату, но продолжал наблюдать из-за дверного косяка с видом кинокритика на премьерe артхауса. Слова ложились коряво, но в этом и была вся суть — Антон не хотел быть гладким и профессиональным. Он хотел быть собой. Рифмы типа «любовь — морковь» он безжалостно вымарал, заменив их на что-то более приличное, хотя строчка про эклер и премьер-министра, честно говоря, вызывала у него сомнения. Но он оставил её — для смелости.

Вечером он приехал к Юлии с букетом её любимых белых пионов, с тортом, который на этот раз купил в проверенной кондитерской (урок с подгоревшим ужином был усвоен), и с листком бумаги, сложенным вчетверо и спрятанным во внутреннем кармане пиджака. Того самого, с розовым пятном от компота, потому что другого у него не было, а Юлия говорила, что этот пиджак — талисман их отношений.

Они сидели на её просторной кухне, той самой, где Граф имел персональное кресло у окна, а кофемашина стоила как половина зарплаты Антона. Юлия задула свечи на торте, загадала желание, и в её глазах отражался мягкий свет подвесных ламп. Она была счастлива — просто и спокойно, без той суеты, которая сопровождала её корпоративные успехи. Антон кашлянул в кулак.

— У меня есть ещё один подарок, — сказал он, чувствуя, как предательски вспотели ладони. — Но он немного... нестандартный. И я должен предупредить: я не профессиональный музыкант, не поэт и даже не уверен, что у меня есть чувство ритма.

— После «вертолёта лопатой» меня сложно чем-то удивить, — улыбнулась Юлия, отпивая чай.

— О, ты недооцениваешь мои способности создавать хаос, — пробормотал Антон и встал из-за стола.

Он отошёл в центр кухни, откашлялся, вытащил из кармана телефон, на котором заранее записал простенький бит — ритмичный, с басами, которые глухо ухали из маленького динамика, создавая атмосферу подпольного рэп-клуба в отдельно взятой кухне. Граф дёрнул ухом и на всякий случай поджал лапы.

— Это будет рэп, — объявил Антон голосом, который пытался звучать уверенно, но пока звучал как человек, объявляющий пожарную тревогу. — Называется «Ода Милфе». Посвящается Юлии. С днём рождения.

Юлия поставила чашку на стол и приготовилась слушать. Она ещё не знала, что её ждёт.

Антон вдохнул. Телефон заиграл бит — простой, качающий. И он начал. Его голос, негромкий, чуть хрипловатый от волнения, но с каждой секундой набирающий силу и ритм, заполнил кухню.

«Эй, послушай историю, как скуф встретил милфу,
Не в клубе, не в баре, а в кафешке в полумраке.
Я кофе свой пил, никого не трогал,
Вдруг вижу — богиня идёт по дороге.
Но эклер её чуть не рухнул на землю,
Я прыгнул, как ниндзя, колено защемило,
Поймал я десерт, а вместе с ним и удачу,
Сказал: "Я за кофе плачу, и это не шутка, я серьёзен, понятно?"»

Юлия ахнула и закрыла рот ладонью. Антон, заметив её реакцию, осмелел. Он начал двигаться в такт биту — неловко, но ритмично, добавляя к тексту жесты. На строчке про колено он схватился за колено. На строчке про кофе — изобразил, что пьёт из воображаемой чашки, и чуть не пролил её на себя.

«Она королева законов и сделок,
Я король перезагрузок и серверных клеток.
Она на шпильках, я в тапках с котами,
Но вместе нам круто, мы цунами!
Шкаф ИКЕА нас пытался сломать,
Но мы его сделали, что тут сказать!
Я стейки сжигал, ты смеялась до слёз,
А кот твой меня презирает всерьёз!»

При упоминании Графа кот издал короткое «мяу», которое прозвучало поразительно вовремя, как будто он подтверждал свою позицию. Юлия захохотала, уже не сдерживаясь. Но Антон не сбавлял темпа. Он почувствовал кураж. Теперь он уже не просто читал — он высту-

пал. Он шагал по кухне, как рэпер по сцене, делал пассы руками, приседал на битах, его лицо выражало целую гамму эмоций, от драматического напряжения до искреннего восторга.

«Потом был бал, смокинг жал, бабочка душила,
Но я танцевал так, что люстра чуть не свалилась!
Вертолёт лопатой — это мой коронный номер,
Твой управляющий партнёр до сих пор, наверно, в коме!
А я просто хотел тебя рассмешить,
Потому что твой смех — это повод жить.
Повод проснуться, повод дышать,
Повод стихи эти написать!»

На этом моменте у Юлии заблестели глаза. Это уже был не просто смех — это был смех сквозь слёзы. Слёзы радости, умиления, любви. Она смотрела на этого нелепого, смешного, искреннего, потрясающего мужчину, который стоял посреди её кухни и читал рэп с такой страстью, будто от этого зависела его жизнь, и понимала, что ничего дороже этого момента у неё никогда не было и не будет.

Антон тем временем вышел на финишную прямую. Он встал прямо перед ней, глядя в глаза, и его голос стал мягче, но ритм — ещё увереннее.

«Так что с днём рождения, моя милфа,
Ты — шедевр, а не просто картинка.
Я скуф, и горжусь этим званием гордо,
Особенно если ты рядом.
Пусть каждый твой день будет слаще эклера,
А стресс — только в прошлом, как старая эра.
Я тебя люблю, я тебя обожаю,
Скуф-аристократ свою музу поздравляет!
Мир! Уважение! Печеньки и чай!
Юля, живи, процветай и скучай...
Нет, не скучай, потому что я тут,
Скуф и милфа — идеальный маршрут!»

Бит стих. В кухне повисла тишина, нарушаемая только тихим гудением холодильника и мурчанием кота, который, кажется, впервые в жизни мурлыкал в присутствии Антона. Антон стоял, тяжело дыша, пот катился по его вискам, листок с текстом был смят в кулаке, но он смотрел только на неё. Юлия медленно поднялась со стула. По её щекам текли слёзы, но она улыбалась — широко, открыто, как никогда раньше.

— Ты... — её голос дрожал. — Ты сочинил рэп. Сам. И зачитал его. На моей кухне. С упоминанием эклера. И вертолёта лопатой. И... и кота.

— Граф дал согласие на упоминание, — кивнул Антон, пытаясь отдышаться. — Правда, устное согласие, без подписи, но я думаю, в суде это зачтётся.

Юлия подошла к нему и просто обняла. Крепко, сильно, так, что у Антона чуть не хрустнули рёбра. Он обнял её в ответ, уткнувшись носом в макушку, вдыхая запах её духов.

— Я хочу, чтобы ты знал, — прошептала она куда-то в район его плеча, — за всю мою жизнь мне никто не писал стихов. Никто не танцевал ради меня. Никто не ловил эклеры и не сражался со шкафами. А ты... ты делаешь всё это. Смешно, нелепо, но так... так по-настоящему. Ты — моё чудо. Моё личное, ручное чудо.

— Ручное чудо с залысинами и любовью к пельменям, — уточнил Антон. — Редкий подвид. Занесён в Красную книгу, между прочим. Охраняется государством и лично тобой.

Юлия отстранилась, вытерла слёзы и звонко чмокнула его в лоб.

— Знаешь, что я загадала, когда задувала свечи? — спросила она.

— Чтобы я перестал жечь стейки?

— Нет. Чтобы ты никогда не переставал быть собой. И, кажется, желание уже сбылось.

Граф в этот момент прыгнул с подоконника, подошёл к Антону и, к величайшему изумлению обоих людей, потёрся о его ногу. Это был акт признания. Официальное посвящение в семью. Антон замер, боясь спугнуть момент, и тихо спросил:

— Это значит, что я теперь принят в клан?

Юлия рассмеялась, и этот смех был лучшей музыкой.

— Ты был принят в клан в тот самый момент, когда назвал себя скуфом-аристократом. А кот просто долго оформлял документы. У него бюрократия на уровне, ты же знаешь.

Остаток вечера они провели, в сотый раз переслушивая запись рэпа на телефоне, хохоча над особенно удачными строчками и обсуждая, что строчка про шкаф ИКЕА достойна войти в анналы мировой поэзии. Антон смущался, но был счастлив безмерно. Юлия всё повторяла: «Ты зачитал рэп. Ты реально зачитал рэп». А кот ел свой корм с таким видом, будто ничего особенного не произошло, но его хвост, чуть подёргивающийся в такт какому-то внутреннему ритму, выдавал его с головой. Пожалуй, эта глава их истории окончательно доказала всем, включая их самих, что скуф и милфа — действительно идеальный маршрут.

Глава 4. Девять роз, сразивших сердце милфы

Прошло три месяца. Три месяца, наполненных уютным абсурдом, который стал фирменным стилем их отношений. Антон и Юлия теперь были не просто парой — они были командой, маленькой вселенной, где законы физики слегка подкручены в сторону чуда. Граф окончательно капитулировал и теперь не просто терпел Антона, а даже иногда приходил к нему мурлыкать на колени, когда Юлия задерживалась на работе. Правда, делал он это с таким выражением морды, будто оказывает величайшую милость, и Антон должен это помнить до конца своих дней. Антон помнил.

Однажды утром он проснулся с ощущением, что сегодня — особенный день. Календарь молчал, ежедневник не подсказывал, даже телефон не прислал ни одного уведомления о празднике. Но внутри что-то тикало, зудело, требовало действия. Это было похоже на системное оповещение, которое приходит не извне, а откуда-то из глубины души. Антон лежал в кровати,

смотрел на спящую рядом Юлию — её волосы разметались по подушке, дыхание было ровным и спокойным, на лице не было напряжения, которое он так часто видел у неё в первые недели знакомства — и вдруг понял. Он понял с кристальной ясностью, какая бывает только в такие тихие, прозрачные мгновения перед началом дня.

Ему нужно подарить ей цветы.

Не просто цветы. Не дежурный букет к дате, не стандартные розы из супермаркета в пластиковой упаковке, не формальный жест. Ему нужно подарить ей такой букет, который расскажет историю. Который будет значить что-то большее, чем просто красивые бутоны. Который заставит её сердце дрогнуть.

Антон сел на кровати. Юлия пошевелилась во сне, что-то пробормотала про договор поставки, но не проснулась. Он тихо встал, натянул свои любимые треники с вытянутыми коленками и вышел на кухню, где его уже ждал Граф с выражением лица «я жду завтрак, человек, и твои романтические порывы меня не волнуют». Антон машинально открыл коту консерву, но мысли его были далеко. Точнее, они были в цветочном магазине.

Но в каком? И что купить? И главное — сколько? Он никогда не был силён во флористике. Самое близкое общение с цветами у него было в тот раз, когда он пытался вырастить кактус на подоконнике, и кактус героически погиб через две недели, не выдержав, видимо, интенсивности его ухода. Антон до сих пор считал, что кактусу просто не понравилась музыка, которую он включал. С Юлией было иначе. Она любила цветы — он знал это. Иногда она покупала себе сама маленькие букетики полевых ромашек или веточки лаванды и ставила их на рабочий стол. Но розы... Розы — это был особый уровень.

Антон решил действовать по-научному. Он открыл ноутбук и вбил в поиск: «сколько роз нужно дарить женщине чтобы она поняла что это серьёзно». Результаты были обескураживающими. Одна роза — знак внимания. Три — «люблю». Пять — классика. Семь — намерения самые серьёзные. Девять — вечная любовь. Одиннадцать — ты моя единственная. Сто одна — предложение руки и сердца. Антон задумался. Сто одна роза — это разорение. Одиннадцать — как-то слишком банально. Семь — непонятно. Три — мало.

И тут он вспомнил. Девять роз. Девять — это число, которое имело для них смысл. Прошло ровно три месяца с их первой встречи. Три месяца — примерно девяносто дней. Девять десятков. Девять — как символ завершённого цикла и начала нового. К тому же, девять — это число их совместных побед: падение эклера (одна), шкаф ИКЕА (две), вертолёт лопатой (три), рэп-баттл на кухне (четыре), спасённый ужин (пять), совместное укрощение Графа (шесть), первая поездка за город на электричке (семь), первый раз, когда она уснула у него на плече (восемь), и первое «я тебя люблю», сказанное в унисон (девять). Девять роз — это будет идеально.

Он закрыл ноутбук, допил кофе, оставил Графу назидательную записку «Будь хорошим котом, я скоро вернусь, и не смотри на меня так» и отправился в лучший цветочный магазин в городе — тот самый, мимо которого он обычно проходил, ускоряя шаг, потому что цены там явно были рассчитаны на людей с доходом Юлии, а не с его зарплатой ИТ-поддержки. Но сегодня был особый день. Сегодня он был готов на разорение.

В цветочном салоне пахло так, что у Антона закружилась голова. Розы, лилии, пионы, орхидеи, какие-то экзотические цветы, названия которых он даже не знал, — всё это создавало ощущение, что он попал в райский сад, где у входа нужно предъявить золотую кредитку. Флористка, девушка с изумрудными волосами и татуировкой в виде плюща на запястье, улыбнулась ему с тем особенным выражением, которое обычно появляется у людей, когда в дорогой бутик заходит покупатель в трениках.

— Добрый день! Чем могу помочь? — спросила она голосом, в котором профессиональная вежливость боролась с лёгким недоумением.

— Девять роз, — выпалил Антон и тут же добавил, чуть смутившись: — Только это не просто девять роз. Понимаете... Мне нужно что-то особенное. Что-то, что скажет: «Я люблю тебя, ты самая потрясающая женщина в моей жизни, и я хочу быть с тобой всегда», но без слов. Чтобы она посмотрела на букет и всё поняла. Понимаете?

Изумрудноволосая флористка на мгновение зависла, переваривая этот поток сознания, а потом её лицо осветилось такой искренней улыбкой, что Антон сразу понял: он попал по адресу.

— Понимаю, — сказала она и отложила в сторону ленту, которую держала в руках. — Расскажите мне о ней. Какая она? Чем занимается? Что любит?

И Антон рассказал. Он рассказал о Юлии — о её силе и ранимости, о её безупречных костюмах и любви к сладкому, о том, как она командует целым юридическим департаментом, но при этом может полчаса спорить с котом о том, кто первый займёт кресло. Он рассказал об эклере и вертолёте лопатой, о рэпе на кухне и о том, как она смеялась на корпоративе. Флористка слушала, не перебивая, и её глаза становились всё более влажными. Когда Антон закончил, она просто сказала:

— Девять роз, говорите... Я знаю, что нужно сделать.

Она ушла в подсобку и вернулась с такими розами, каких Антон никогда не видел. Они были не классического красного цвета, не белые, не розовые. Это были розы редкого, сложного оттенка — что-то среднее между бордовым, пурпурным и цветом закатного неба, с бархатными лепестками, которые, казалось, светились изнутри. Каждый бутон был идеален — ни одного увядающего лепестка, ни одного изъяна.

— Это сорт «Блэк Баккара» с примесью оттенка «Амадеус», — пояснила флористка, осторожно собирая букет. — Они играют на свету. Днём выглядят почти чёрными, а вечером, при свечах, становятся глубокого винного цвета. Очень редкие. Очень дорогие. И идеально подходят для истории, которую вы рассказали.

Антон взглянул на ценник. Цифры слегка выбили его из колеи. Но он вспомнил Юлию. Вспомнил, как она смотрела на него, когда он танцевал вертолёт лопатой. Вспомнил её смех и слёзы, когда он зачитал рэп. И он понял: никакие деньги не сравнятся с теми моментами. Он вытащил карточку и оплатил.

Флористка колдовала над букетом ещё полчаса. Она добавила туда несколько веточек эвкалипта, чёрную матовую ленту и — в качестве сюрприза — маленькую записку, которую Антон написал дрожащей от волнения рукой. Что было в записке, знали только он и флористка.

Когда Антон вышел из магазина с букетом, он чувствовал себя рыцарем, который везёт своей даме сердца не просто цветы, а целое сокровище. Прохожие оборачивались. Мужчины смотрели с завистью. Женщины — с умилением. Одна бабушка остановилась и сказала: «Молодой человек, если бы мне кто-то подарил такой букет, я бы сразу согласилась замуж». Антон смущённо поблагодарил и добавил про себя: «Ну, до замужества мы ещё дойдём. Всему своё время».

Юлия должна была вернуться с работы в семь. У Антона было два часа, чтобы подготовиться. Он убрал квартиру — насколько это вообще было возможно в его понимании порядка. Он даже пропылесосил под диваном и нашёл там три носка (ни один из них не был парным), старую зарядку от телефона и фантик от конфеты, которую, судя по всему, утащил Граф. Кота он тоже привёл в порядок — то есть попытался расчесать, за что получил лапой по руке и укоризненный взгляд, означавший: «Я сам разберусь со своей шерстью, спасибо».

Он накрыл стол. Ничего сложного: свечи, фрукты, сыр, вино — то самое, которое Юлия научила его выбирать, и теперь он с гордостью мог сказать, что отличает «Шираз» от «Мерло» по одному взгляду на этикетку. Он зажёл свечи за пятнадцать минут до её прихода, рассчитав, что они как раз разгорятся к нужному моменту. Он поставил букет в вазу — самую красивую, какую нашёл, — и поместил его в центр стола, так, чтобы Юлия увидела розы в первую же секунду, как войдёт на кухню. Потом передумал, убрал букет в спальню, потом достал обратно, потому что «в спальне она его увидит позже, а эффект должен быть мгновенным», потом снова убрал, потом поставил на подоконник, потом вернул на стол. В итоге Граф, наблюдавший за этими манипуляциями, издал такой вздох, будто хотел сказать: «Человек, определись, это же просто цветы». Но Антон понимал: это не просто цветы.

Ключ повернулся в замке ровно в семь. Антон стоял на кухне, вытирая мгновенно вспотевшие ладони о треники. Он всё-таки успел переодеться в нормальные брюки и рубашку — ту самую, которую Юлия однажды назвала «единственной вещью в его гардеробе, не пахнущей терияки». Букет стоял на столе, свечи горели, вино дышало в бокалах.

Юлия вошла. Она была уставшей — он видел это по тому, как она сбросила туфли с лёгким стоном облегчения, как рассеянно повесила пальто, как потёрла переносицу. У неё был тяжёлый день: переговоры, которые должны были занять час, растянулись на три, клиент оказался капризным, а партнёр по сделке — невыносимым. Она мечтала только об одном: упасть на диван, прижать к себе кота и ни о чём не думать.

Она вошла на кухню и замерла.

Свечи. Вино. Фрукты. И букет. Девять тёмных, почти чёрных роз, которые в мерцающем пламени свечей наливались глубоким винным оттенком, переливались, как драгоценные камни. Они стояли в простой стеклянной вазе, перевязанные чёрной матовой лентой, и выглядели так, будто их принесли не из цветочного магазина, а из какой-то сказки. Эвкалипт добавлял композиции свежести и глубины.

Антон стоял рядом — неловкий, смущённый, с красными пятнами на щеках, но такой родной и любимый, что у Юлии перехватило дыхание.

— Это... — она не могла подобрать слов. — Антон... Это что?

— Это девять роз, — сказал он просто. — Девять. По числу наших совместных побед. Падение эклера — раз. Шкаф ИКЕА — два. Вертолёт лопатой — три. Рэп на кухне — четыре. Укрощение Графа — пять...

— Ты считал? — прошептала Юлия и почувствовала, как к глазам подступают предательские слёзы. Она моргнула, но слёзы всё равно потекли — тихие, тёплые, совсем не горькие.

— Я считал, — подтвердил Антон. — А ещё я написал записку. Она там, в букете. Прочитаешь?

Юлия дрожащими пальцами вытащила маленький свёрток. Развернула. На кремовой бумаге, чуть неровным, но очень старательным почерком Антона было написано:

«Юлия. Эти девять роз — они о нас. Каждый бутон — это момент, когда я понял, что люблю тебя сильнее. Первый — когда ты смеялась над моей шуткой про эклер. Второй — когда ты сидела на полу и боролась со шкафом. Третий — когда ты смотрела, как я танцую вертолёт лопатой, и смеялась громче всех. Четвёртый — когда ты плакала и смеялась одновременно на кухне, слушая мой рэп. Пятый — когда я увидел, как ты гладишь Графа, и он мурлыкал, как трактор. Шестой — когда мы ехали в электричке за город, и ты уснула у меня на плече. Седьмой — когда ты сказала, что я твоё ручное чудо. Восьмой — когда я проснулся сегодня утром и увидел тебя спящей. И девятый... Девятая роза — это та, которую ты сейчас держишь в руках. Она — про будущее. Про всё, что у нас ещё будет. Про всю нашу жизнь. Я люблю тебя. Твой скуф-аристократ»

Юлия дочитала. В кухне было тихо, только свечи потрескивали, и Граф в углу перестал вылизывать лапу, будто тоже почувствовал торжественность момента. Она подняла глаза на Антона. Её лицо было мокрым от слёз, тушь немного поплыла, и она выглядела не как безупречная бизнес-леди, а как самая счастливая женщина на свете.

— Ты... — она покачала головой. — Ты купил девять роз. Написал записку. Посчитал все наши моменты. И сделал это просто так? Без повода? Не в день рождения и не в праздник?

— Просто так? — Антон улыбнулся и подошёл ближе. — Юль, это не «просто так». Это потому, что я проснулся сегодня утром и понял: я самый счастливый мужчина на планете. И я хотел, чтобы ты это знала. Не в какой-то специальный день. А в самый обычный. Во вторник. Потому что моя любовь к тебе не привязана к датам.

Юлия сделала шаг ему навстречу. Потом ещё один. А потом уткнулась лицом в его плечо и разрыдалась уже в полную силу — от счастья, от любви, от благодарности, от осознания того, что она, сама того не ожидая, нашла человека, который дарит ей не украшения и не акции, а моменты. Человека, который считает их совместные победы и превращает их в розы. Человека, который пишет записки с грамматическими ошибками, но с такой любовью, что сердце разрывается.

— Ты сразил моё сердечко, — всхлипывая, проговорила она. — Ты его просто выиграл. В нокаут. В первом раунде. Я не знаю, что я сделала, чтобы заслужить тебя.

— Ты просто была собой, — ответил Антон. — И случайно уронила эклер. Остальное было неизбежно.

Граф, сидевший в своём кресле, вдруг издал долгое, протяжное «мя-а-а-а-ау», которое прозвучало как благословение. Антон и Юлия рассмеялись сквозь слёзы, и он поцеловал её в макушку.

Они просидели на кухне до глубокой ночи. Пили вино, ели сыр, разглядывали розы, которые в темноте казались бархатными, почти живыми. Юлия перечитывала записку снова и снова, и каждый раз её глаза наполнялись слезами. Антон рассказал о флористке с изумрудными волосами, о разорившей его цене, о поиске смысла числа «девять». Юлия слушала, смеялась, плакала и снова смеялась.

— Я хочу, чтобы ты знал, — сказала она, когда свечи почти догорели, а вино почти закончилось. — Ты можешь никогда не заработать миллион. Можешь никогда не похудеть. Можешь всю жизнь носить эти дурацкие треники с вытянутыми коленками. Мне всё равно. Потому что ни один мужчина в мире не дарил мне того, что даришь ты. Ты даришь мне чувство, что я — единственная. Что я — особенная. Что каждый момент с тобой — это маленькое чудо.

— Ну, про треники ты зря, они удобные, — пробормотал Антон.

Юлия стукнула его кулаком в плечо, и они снова рассмеялись.

Позже, когда они уже лежали в кровати, и Юлия засыпала, положив голову ему на грудь, Антон вспомнил вопрос, который задала ему флористка, когда он расплачивался: «А что дальше? Девять роз — это красиво, но что потом?» Тогда он не знал, что ответить. Сейчас он знал. Дальше будет всё. Будет жизнь. Будет совместный быт с его горе-ужинами и её идеальным расписанием. Будет Граф, который наконец-то перестанет на него шипеть. Будет ещё много-много моментов, которые он обязательно посчитает. И когда-нибудь — он это уже точно знал — он попросит её стать его женой.

Глава 5. Блогер-скуф и две машины мечты

Прошёл почти год с того самого утра, когда Антон проснулся с желанием подарить Юлии девять роз. За это время их жизнь сплелась в единое целое окончательно и бесповоротно. Юлия продала свою квартиру и переехала к Антону — вернее, они вместе сняли просторную двушку с огромной кухней, где Граф наконец-то получил персональный подоконник с видом на парк, а Антон — отдельный угол для своего компьютера, который он гордо именовал «ИТ-штабом». Переезд, разумеется, не обошёлся без приключений: Антон умудрился уронить коробку с Юлиными туфлями прямо в лужу у подъезда, а потом, пытаясь реабилитироваться, постирал её кашемировый свитер вместе со своими носками, после чего свитер стал размером с одежду для кота. Граф, примерив обновку, высказался крайне неодобрительно. Но всё это было частью их общей истории — нелепой, тёплой и настоящей.

Финансовый вопрос, однако, оставался единственной тёмной тучей на их безоблачном небе. Нет, они не бедствовали: зарплату Юлии хватало и на аренду, и на рестораны, и на

поездки. Но Антон, работавший всё в той же IT-поддержке, чувствовал себя немного не в своей тарелке. Ему хотелось вносить равный вклад. Ему хотелось, чтобы Юлия могла гордиться им не только как человеком, который смешно танцует и читает рэп, но и как мужчиной, который чего-то добился. Он начал потихоньку изучать рынок IT-стартапов, даже прошёл пару онлайн-курсов по веб-разработке, но душа к этому не лежала. Его талант был в другом — в умении смешить людей, рассказывать истории и быть абсолютно, бесповоротно искренним.

Всё изменилось случайно. Как всегда.

Однажды вечером, когда Юлия задержалась на работе, а Граф спал на подоконнике, Антон от скуки записал короткое видео. Он просто поставил телефон перед собой и рассказал историю про то, как пытался приготовить ужин и случайно поджёг прихватку, а кот, вместо того чтобы помочь, смотрел на него как на идиота и, кажется, вызывал пожарных ментально. Антон не готовился, не продумывал сценарий, не использовал модные переходы. Он просто был собой — нелепым, смешным, с растрёпанными волосами и в футболке, которую Юлия уже трижды пыталась выбросить. Он назвал видео «Исповедь скуфа: как я почти спалил кухню и потерял уважение кота» и выложил его в интернет. Просто так. Чтобы посмеяться.

На следующее утро у видео было сто тысяч просмотров.

Антон не поверил своим глазам. Он обновил страницу раз десять. Потом ещё десять. Цифры росли. Комментарии сыпались как из рога изобилия. «Чувак, ты — моя духовная копия!» «Я думал, только у меня кот смотрит с презрением!» «Жги ещё! В прямом смысле и в переносном!» «Подписка! Хочу продолжения про кота!» Юлия, увидев это за завтраком, чуть не подавилась кофе.

— Ты стал блогером, — сказала она, всё ещё смеясь над моментом, где Антон изображал, как Граф гипнотизирует его взглядом.

— Я ничего не делал! — оправдывался он. — Это какой-то сбой в матрице!

Но это был не сбой. Люди устали от идеальных картинок. Им надоели отретушированные лица и продуманные сценарии. Они хотели настоящего. А Антон был настоящим до мозга костей. И он начал снимать.

Сначала это были просто зарисовки из жизни: «Утро скуфа», «Скуф собирает шкаф — продолжение банкета», «Скуф и Граф: битва за диван», «Девять вещей, которые бесят моего кота». Потом он стал добавлять туда Юлию — не раскрывая её личность полностью, но показывая фрагменты их жизни. Так появились легендарные рубрики: «Милфа объясняет скуфу высокие материи», где Юлия с каменным лицом комментировала его попытки понять современное искусство; «Скуф готовит ужин: выпуск, который никто не переживёт»; и, конечно, «Граф даёт интервью» — серия, в которой кот просто сидел и смотрел в камеру, а Антон озвучивал его мысли за кадром. Ролик «Граф комментирует мои финансовые решения» набрал три миллиона просмотров за неделю.

За три месяца у Антона была аудитория в полмиллиона подписчиков. За полгода — полтора миллиона. Рекламодатели выстраивались в очередь. Сначала он рекламировал корм для котов — и Граф, сам того не зная, стал амбассадором премиального бренда. Потом пошли сервисы доставки еды, потом — бренды одежды, которые хотели, чтобы «тот самый скуф» проре-

кламировал их домашнюю коллекцию. Антон снял ролик, в котором честно сказал: «Ребята, эти треники действительно удобные, я в них сплю, ем, гуляю и, кажется, женюсь когда-нибудь». Продажи взлетели до небес.

Антон завёл менеджера, бухгалтера и даже редактора — молодого парня по имени Костя, который монтировал его видео, пока Антон играл с Графом в гляделки. Бренд «Скуф-аристократ» стал узнаваемым. Антон запустил мерч: футболки с надписями «Скуф внутри», «Эклер — это судьба», «Мой кот меня презирает, и это нормально». Юлия смеялась до слёз, когда первая партия разлетелась за два часа. Их доходы росли экспоненциально. Антон, который ещё год назад пересчитывал мелочь на проезд, теперь получал за одну рекламную интеграцию сумму, равную своей прежней годовой зарплате.

— Ты чёртов гений, — сказала ему однажды Юлия, когда они сидели на балконе, пили кофе и смотрели на закат. — Ты превратил свою нелепость в бизнес. В этом есть какая-то высшая справедливость.

— Нелепость — это суперсила, — философски ответил Антон. — Просто раньше за неё не платили.

Теперь платили. И платили много.

Однажды утром Антон, лениво листая ленту новостей, наткнулся на статью о новом автомобильном салоне, открывшемся в их городе. Он посмотрел на картинки. Перевёл взгляд на Юлию, которая собиралась на работу и пыталась уговорить Графа не спать на её пальто. Потом снова на картинки. И тут у него в голове щёлкнуло.

Юлия всегда мечтала о Порше 911.

Он знал это с того самого раза, когда они проезжали мимо бизнес-центра и она, увидев припаркованный у входа «Порше» классического серебристого цвета, на долю секунды задержала взгляд. Она ничего не сказала тогда. Но Антон заметил. А ещё он знал, что Юлия никогда в жизни не купила бы себе этот автомобиль сама — не потому что не могла себе позволить, а потому что считала это «непрактичным» и «слишком пафосным». Она была из тех людей, которые могут позволить себе всё, но почему-то считают, что не заслуживают роскоши просто так.

И тогда Антон принял решение. Он купит ей Порше. И себе заодно — БМВ тройку. Потому что он, простой парень из IT-поддержки, внезапно разбогатевший на историях про кота и подгоревший ужин, имел право на одну маленькую, но гордую мечту.

Операция «Автомобиль» была спланирована с военной точностью. Антон задействовал все свои новые связи: менеджер договорился с автосалоном о специальных условиях, Костя помог с таймингом, а Граф — ну, Граф просто сидел и наблюдал за суетой с видом генерала, который руководит войсками, не вставая с дивана. Антон выбрал для Юлии Порше 911 Каррера цвета «ночной металлик» — глубокий, переливающийся синий, который на солнце отдавал в фиолетовый. Для себя — БМВ третьей серии, классический чёрный, строгий, но с красным спортивным салоном, потому что «скуф-аристократ имеет право на немного пафоса, в конце концов».

Самой сложной частью было сохранить всё в тайне. Антон придумал легенду, что они едут в автосалон, чтобы записать рекламный ролик для блога — якобы какой-то бренд хочет, чтобы он «протестировал новые модели и высказал своё экспертное скуф-мнение». Юлия, уже привыкшая к его блогерским приключениям, не заподозрила ничего. Она даже ворчала по дороге: «Опять ты будешь изображать, что не можешь найти ручник, а на самом деле просто хочешь рассмешить оператора». Антон таинственно улыбался и ничего не отвечал.

Автосалон сиял. Огромные стеклянные витрины, безупречный свет, запах новой кожи и резины, менеджеры в костюмах, которые при виде Антона и Юлии вытянулись по струнке. Антона здесь уже знали. Точнее, знали его блог и его счёт в банке.

Они прошли мимо рядов сверкающих автомобилей. Юлия смотрела на них с интересом, но без особого трепета — она всё ещё думала, что это просто рекламная съёмка. Антон подвёл её к закрытому постаменту, на котором, накрытый серебристой тканью, стоял автомобиль.

— Это одна из машин, которую я должен протестировать, — сказал он, едва сдерживая волнение. — Но сначала я хочу, чтобы ты посмотрела. Мне важно твоё мнение.

Он кивнул менеджеру. Ткань плавно соскользнула.

Под ней стоял Порше 911. Синий, глубокий, как ночное небо перед рассветом. Его обводы были совершенны — стремительные, хищные, но при этом элегантные, как скульптура. Фары горели мягким светом. Колёса — чёрные матовые диски — казались продолжением асфальта. Юлия замерла. Она смотрела на машину, и её губы слегка приоткрылись.

— Красивый, да? — спросил Антон, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я, пожалуй, скажу, что тест-драйв пройден успешно. Осталось только подписать документы.

— Какие документы? — Юлия нахмурилась, всё ещё не понимая. — Ты же просто снимаешь ролик...

— Ну, ролик тоже будет, — Антон достал из кармана ключи с гербом Порше. — Но сначала — небольшой сюрприз. Юлия, этот автомобиль — твой. С днём... — он запнулся, — с днём нашей встречи. Вернее, с годовщиной падения того самого эклера. Прошёл ровно год.

Он протянул ей ключи.

В выставочном зале повисла тишина. Тишина была такой глубокой, что было слышно, как где-то вдалеке менеджер уронил ручку. Юлия переводила взгляд с ключей на Антона, с Антона на машину, с машины снова на ключи. Её лицо, обычно такое собранное и уверенное, сейчас выражало целую гамму эмоций — от шока до неверия и от неверия до чего-то такого глубокого и тёплого, что Антон чуть сам не прослезился.

— Ты... — она запнулась. — Ты купил мне Порше? Ты? На деньги с блога про кота и подгоревшую яичницу?

— Ну, ещё про шкаф ИКЕА и вертолёт лопатой, — скромно добавил Антон. — Это был коллективный вклад всех моих нелепостей. И, кстати, себе я тоже кое-что купил. Вон там, за

колонной, стоит чёрная БМВ тройка. Я подумал: если моя милфа ездит на Порше, то скуф-аристократ не может ездить на метро. Это будет нарушением вселенского равновесия.

Юлия всё ещё не брала ключи. Она стояла, прижав ладони к щекам, и в её глазах блеснули слёзы.

— Антон... Это слишком. Это безумно дорого. Я не могу...

— Можешь, — он взял её руку и вложил в неё ключи. — Ты можешь. Ты заслуживаешь. Ты каждый день командуешь людьми, решаешь миллионные вопросы, ты тащишь на себе столько всего, что я удивляюсь, как ты вообще находишь время на мои глупости. И ещё ты ни разу в жизни не купила себе того, о чём мечтала. Ты покупала то, что практично. Что рационально. А это — просто мечта. И я хочу, чтобы эта мечта теперь была у тебя. В гараже. Или на парковке. Или где ты там её поставишь.

Юлия всхлипнула. А потом — совершенно неожиданно для всех, включая саму себя — обняла его так крепко, что у Антона хрустнуло что-то в спине. Менеджеры тактично отвернулись. Костя, который снимал всё это на камеру для будущего ролика, украдкой вытер глаза.

— Я люблю тебя, — прошептала Юлия ему куда-то в ухо. — Я так тебя люблю, что мне страшно. Ты даришь мне не просто машину. Ты даришь мне ощущение, что я могу быть не только сильной. Что я могу быть просто счастливой. И немного безумной.

— Немного безумной — это наш девиз, — ответил Антон. — Иди, сядь за руль. Мы ещё не проехались.

Они провели в автосалоне ещё два часа. Юлия сидела в своём Порше, гладила руль, включала и выключала зажигание, изучала каждую кнопку, как ребёнок, получивший самую желанную игрушку. Антон тем временем оформлял свою БМВ — чёрную, с красным салоном, с турбированным двигателем, который мягко урчал, когда он повернул ключ. Менеджер предложил ему шампанское, и Антон, вспомнив наставления Юлии про этикет, взял бокал правильно — за ножку — и даже не пролил ни капли.

Когда они выехали из салона — впереди Юлия на сияющем синем Порше, за ней Антон на чёрной БМВ, — это было похоже на сцену из фильма. Прохожие оборачивались. Водители соседних машин сигналили и показывали большой палец. Они проехали по набережной, потом по бульвару, а потом остановились у того самого кафе «Убежище», где всё началось. Антон вышел из машины, открыл дверь для Юлии и с поклоном произнёс:

— Мадам, не желаете ли эклер в честь годовщины?

Юлия засмеялась — так же звонко и искренне, как тогда, год назад.

— Желаю. И даже два. Ведь теперь мы можем позволить себе все эклеры мира.

Они зашли в «Убежище», и тот самый бариста с бородой лесоруба, который год назад рисовал пенку-кардиограмму, узнал их и чуть не выронил чашку.

— Это вы! — воскликнул он. — Вы та пара, которая из-за эклера познакомилась! Я вас помню!

— Мы известны, — гордо объявил Антон. — Я блогер теперь. А это — моя муза. У неё Порше.

Бариста присвистнул и бесплатно налил им кофе.

Вечером, когда они сидели дома, и Граф обнюхивал новые ключи на столе с таким видом, будто проводил техническую экспертизу, Юлия спросила:

— Знаешь, что самое удивительное? Я ведь действительно никогда не мечтала о машине всерьёз. Я думала, это просто красивая картинка. А ты взял и сделал это реальностью. Как и всё остальное.

— Ну, — Антон почесал затылок, — я подумал: раз уж я теперь богатый и знаменитый скуф, у меня должны быть соответствующие игрушки. А ещё у моей милфы должна быть игрушка её мечты. Это закон парных отношений.

— И что мы будем делать дальше? — спросила она, прижимаясь к нему.

— Дальше? — Антон улыбнулся. — Дальше мы поедem в путешествие. На твоём Порше и моей БМВ. А Графа оставим Костику, он заслужил испытание котом. И я сниму про это самый лучший ролик в своей жизни.

Юлия рассмеялась, и этот смех был музыкой, которая звучала в его сердце всегда. Скуф-аристократ и его милфа въезжали в новую главу своей жизни — на двух блестящих машинах, с бесконечным запасом эклеров и любви.

Глава 6. Преображение скуфа и милфы

Прошло ещё полгода. Антон и Юлия наслаждались жизнью: у них были две великолепные машины, уютная квартира, процветающий блог и кот, который окончательно уверовал в то, что он — истинный хозяин всего этого великолепия, а люди — лишь обслуживающий персонал с расширенными привилегиями. Бренд «Скуф-аристократ» вышел на международный уровень: Антона приглашали на интервью, его мерч продавался в трёх странах, а видео с Графом переводили субтитрами на двенадцать языков. Костя, его редактор, купил себе студию, а заодно научился не вздрагивать, когда кот смотрел на него оценивающе.

Но однажды утром, просматривая комментарии под свежим роликом, Антон наткнулся на сообщение, которое заставило его задуматься. Комментарий был коротким, но хлестким: «Скуф — это прикольно, но ты реально выглядишь так, будто твой единственный спорт — это переключение каналов. Может, пора заняться собой, а?»

Антон перечитал комментарий трижды. Потом встал, подошёл к зеркалу и посмотрел на себя. Долгим, оценивающим взглядом. Он видел человека, которого любила потрясающая женщина, человека, который многого добился, человека с отличным чувством юмора. Но он видел и другое: живот, который мягко нависал над ремнём, щёки, которые делали лицо чуть более круглым, чем хотелось бы, и общее ощущение какой-то... рыхлости. Он вздохнул. Потом

подумал о Юлии. Юлия всегда была красива — стройная, подтянутая, с осанкой балерины, которую не смогли испортить даже годы работы в офисе. Но в последнее время она тоже уставала, жаловалась на боли в спине, и её сияние иногда тускнело под грузом бесконечных дел и неправильных перекусов.

И тут Антон принял решение. Такое же спонтанное и твёрдое, как когда-то решение подарить ей розы или купить Порше. Они займутся здоровьем. Оба. Вместе. Прямо сейчас.

Он закрыл ноутбук и направился в гостиную, где Юлия разбирала почту, а Граф, разумеется, сидел на самых важных документах.

— Юль, — сказал он торжественно. — Нам нужно серьёзно поговорить.

Юлия оторвалась от бумаг и посмотрела на него с лёгкой тревогой.

— Что-то случилось?

— Случилось, — Антон сел напротив. — Я только что осознал, что выгляжу как пельмень в стадии расцвета. И ты, хотя и прекрасна как богиня, тоже заслуживаешь больше энергии и меньше стресса. Я предлагаю нам измениться. Вместе. Спорт, питание, режим. Что скажешь?

Юлия моргнула, потом улыбнулась — медленно, одобрительно.

— Знаешь, я думала об этом уже месяц, — призналась она. — Но не знала, как предложить, чтобы тебя не обидеть. Ты не пельмень. Ты скорее как хачапури по-аджарски — тёплый, уютный, но да, немного мягкий.

— Вот именно! — Антон хлопнул ладонью по столу. — Хачапури — это прекрасно, но я хочу быть шашлыком! Поджарым, крепким, на зависть всем!

— Отличная метафора, — прыснула Юлия. — Давай станем шашлыками вместе.

Так началась их эра преображения.

Первым делом они наняли персонального тренера. Им оказался Игорь — бывший военный, а ныне фитнес-гуру с телом греческого бога и голосом, которым можно было командовать авианосцем. Игорь пришёл к ним в квартиру, оценил их физическую форму, и на его лице отразилась целая гамма чувств, которую Антон про себя охарактеризовал как «профессиональный ужас, замаскированный под вежливость».

— Значит так, — сказал Игорь, обведя их взглядом. — Программа будет жёсткой, но справедливой. Работаем три раза в неделю. Упражнения, кардио, растяжка. И — внимание — никаких эклеров. Вообще.

— Совсем? — ужаснулся Антон. — Даже по праздникам?

— По праздникам можете нюхать, — отрезал Игорь. — Максимум — один раз в месяц, и то маленький кусочек. Если хотите результат, придётся страдать.

Антон тяжело вздохнул. Юлия сжала его руку в знак поддержки. Граф, сидевший на подоконнике, издал звук, подозрительно похожий на смешок.

Первые тренировки были адом. Антон не мог отжаться и пяти раз без того, чтобы его лицо не становилось цвета спелого помидора. Юлия, несмотря на свою подтянутость, на второй день после интенсивной тренировки не могла подняться с кровати без посторонней помощи, и они оба двигались по квартире как два старых пня, перекатываясь с боку на бок и издавая жалобные стоны. Антон записал видео под названием «Скуф пришёл в спортзал: день первый и, возможно, последний», и оно набрало два миллиона просмотров за сутки. Комментаторы рыдали от смеха, но при этом поддерживали: «Чувак, не сдавайся!», «Я тоже начал!», «Ждём преображения через полгода, удачи, пельмень!».

Постепенно, неделя за неделей, боль ушла. На смену ей пришла сила. Антон с удивлением обнаружил, что может отжаться пятнадцать раз. Потом двадцать. Потом подтянуться на турнике, который Игорь установил в дверном проёме, и не умереть. Юлия открыла в себе любовь к йоге и растяжке, и вскоре они уже вместе занимались по утрам: она показывала ему асаны, а он пытался их повторить, регулярно заваливаясь на бок и комментируя происходящее в стиле спортивного репортажа. Однажды он застрял в позе «собака мордой вниз» так, что Граф подошёл и начал тереться о его голову, будто говоря: «Вот теперь ты на моём уровне, двуногий».

Параллельно они полностью пересмотрели питание. Антон, который раньше считал, что сбалансированный ужин — это пельмени и кетчуп с пометкой «премиум», теперь осваивал искусство приготовления полезной еды. И, конечно, снимал это на камеру. Рубрика «Скуф готовит ПП» стала хитом. Первый выпуск, в котором Антон попытался сделать смузи и случайно залил кефиром клавиатуру ноутбука, побил все рекорды по просмотрам. Во втором выпуске он перепутал киноа с просом, и получившаяся каша напоминала по консистенции строительный раствор — он дал её попробовать Графу, и кот после этого не разговаривал с ним два дня. Но постепенно Антон научился. Он освоил куриную грудку на гриле, запечённые овощи, салаты с авокадо и даже какие-то хитрые протеиновые десерты без сахара.

Юлия тоже преобразила свой рацион. Она, привыкшая перехватывать кофе с круассаном между совещаниями, теперь брала с собой контейнеры с правильной едой, которые Антон заботливо собирал ей с вечера. Коллеги по юридической фирме смотрели на неё с изумлением: генеральный директор ест киноа с лососем из ланч-бокса, подписанного «Для моей милфы. Люблю. Скуф». Это стало местной легендой.

Месяцы шли. Антон похудел на пятнадцать килограммов. Его живот, который раньше был верным спутником и в какой-то степени даже другом, исчез, уступив место первым в его жизни кубикам пресса. Он стоял перед зеркалом, не веря своим глазам, и трогал свой торс, как археолог, обнаруживший древний артефакт. У него появились мышцы на руках, плечи стали шире, а лицо — более чётким, с проступившей линией челюсти, которую раньше скрывали округлые щёки. Он сменил гардероб, но не отказался от своего стиля: теперь это были качественные футболки, которые сидели на нём как влитые, стильные брюки и пиджаки, которые он выбирал вместе с Юлией.

Юлия изменилась не меньше. Она сбросила накопившуюся усталость, её кожа засияла, волосы стали гуще, а тело обрело рельеф, которому могли позавидовать фитнес-модели. Она стала ещё красивее — той зрелой, роскошной красотой, которая не зависит от возраста, а только расцветает с годами и заботой о себе. Теперь, когда они шли по улице — высокий, под-

тянутый Антон и сияющая Юлия в облегающем платье, — прохожие оборачивались вслед. Их называли самой стильной парой года, а глянцевого журнал пригласил на совместную фотосессию.

Фотосессия «До и После: Скуф и Милфа — история преобразования» стала вирусной. Заголовки пестрили: «Как любовь и спорт изменили их до неузнаваемости», «От пельменей до прессы: честная история без фотошопа», «Они доказали, что меняться никогда не поздно». Антон выложил видео, где они с Юлией одновременно показывали старые фотографии и новые, и этот ролик за сутки посмотрели десять миллионов человек.

Однажды вечером, после особенно продуктивной тренировки, они сидели на балконе, попивая протеиновый коктейль (Антон добавил туда корицу, потому что «скуф-аристократ даже в спорте должен страдать красиво»). Солнце садилось за крыши домов. Граф, который тоже преобразился — его перевели на премиальный корм, и шерсть стала блестеть как шёлк, — сидел на перилах и шурился от удовольствия.

— Знаешь, о чём я думаю? — спросила Юлия, поворачиваясь к Антону.

— О том, что эклер всё-таки не заслуживает полного запрета?

— Нет, — она улыбнулась. — Я думаю о том, как сильно мы изменились. Не только внешне. Внутри. Мы стали другими людьми. Более сильными, более дисциплинированными. Более живыми. И знаешь, что самое удивительное?

— Что?

— Ты всегда был красивым для меня. Даже в той растянутой футболке и с тем самым животом. Но сейчас... сейчас ты светишься изнутри. Ты стал лучшей версией себя, и я горжусь тобой.

Антон взял её за руку.

— Я сделал это ради нас. Ради того, чтобы прожить с тобой как можно дольше. Чтобы у нас были силы на всё — на приключения, на споры с котом, на безумные идеи. Чтобы мы могли вместе танцевать вертолёт лопатой даже в восемьдесят лет.

— Договорились, — сказала Юлия. — В восемьдесят лет — вертолёт лопатой. И обязательно снимем это для твоего блога.

Они рассмеялись и поцеловались — два человека, которые нашли друг друга в случайном кафе и построили вместе целую вселенную. Их преобразование было не просто про спорт и питание. Оно было про выбор. Про выбор каждый день становиться лучше ради того, кого любишь. Про выбор жить, а не существовать. Про выбор быть счастливым.

Глава 7. Космос на Мальдивах и кольцо цвета вечности

Прошёл ещё год. Год, наполненный тренировками, здоровым питанием, новыми проектами и бесконечной нежностью, которая с каждым днём только крепла. Антон превратился из просто популярного блогера в настоящую медийную личность: он запустил собственную

линейку спортивного питания с названием «Скуф-Фит», написал книгу «Исповедь скуфа: как я перестал быть пельменем и полюбил штангу», которая стала бестселлером, и даже был приглашён в качестве мотивационного спикера на несколько крупных конференций. Юлия, в свою очередь, получила предложение стать управляющим партнёром в международной юридической фирме — той самой, где когда-то лысый господин обсуждал враждебные поглощения. Теперь она сама руководила слияниями и поглощениями и делала это с той же грацией, с какой когда-то смеялась над вертолётном лопатой.

Их жизнь была похожа на стремительный, яркий калейдоскоп. Но среди всей этой суеты Антон хранил один секрет. Секрет, который он обдумывал уже несколько месяцев, который заставлял его сердце биться быстрее, а ладони — потеть даже при мысли о нём. Он собирался сделать Юлии предложение.

Идея пришла к нему в одно из воскресных утр, когда он смотрел на спящую Юлию и понимал, что хочет просыпаться рядом с этой женщиной каждое утро до конца своей жизни. Не просто как парень, не просто как блогер-скуф, а как муж. Как человек, который имеет честь называть её своей женой. Он думал об этом долго, тщательно и с той же дотошностью, с какой когда-то спасал падающий эклер. Место должно быть идеальным. Момент — безупречным. Кольцо — таким, от которого захватит дух.

И он всё придумал.

Мальдивы. Они оба давно мечтали туда попасть — к лазурной воде, белому песку и бесконечному небу, которое ночью рассыпается миллиардами звёзд. Антон забронировал самый роскошный курорт — виллу на воде с прозрачным полом, собственным бассейном и видом на океан, который казался бесконечным, как сама вечность. Поездку он оформил как «совместный отпуск для восстановления после всех проектов», и Юлия, уставшая от бесконечных контрактов, согласилась с радостью.

Следующей задачей было кольцо. Антон подошёл к этому вопросу со всей серьёзностью. Он обошёл пять ювелирных салонов, пересмотрел сотни вариантов, но ни один не казался ему достойным. Он хотел что-то особенное, что-то, что отразит саму суть Юлии — её глубину, её загадочность, её бесконечность. И тогда ему в голову пришла мысль: фиолетовый цвет. Фиолетовый — цвет космоса. Цвет туманностей, цвет далёких галактик, цвет тайны и величия. Юлия всегда говорила, что в детстве мечтала стать астрономом, но потом передумала и пошла в юристы. Она и сейчас, когда они гуляли поздними вечерами, часто смотрела на небо и рассказывала про созвездия с таким блеском в глазах, будто ей снова десять лет.

— Она для меня — как космос, — сказал Антон ювелиру, седому мужчине с лупой на лбу, когда пришёл с индивидуальным заказом. — Бесконечная, таинственная, красивая настолько, что дух захватывает. Мне нужно кольцо, которое будет напоминать ей об этом. Чтобы она надела его и поняла: я вижу её именно такой.

Ювелир, который за свою карьеру слышал множество пожеланий от женихов, на мгновение замер, а потом снял лупу и посмотрел на Антона с уважением.

— Я понял вас, — сказал он тихо. — Я сделаю то, что нужно.

Через месяц кольцо было готово. Когда Антон открыл бархатную коробочку, у него перехватило дыхание. В центре сиял редчайший фиолетовый бриллиант огранки «груша» — глубокого, насыщенного оттенка, который на свету переливался от цвета лаванды до тёмного аметиста, а при определённом угле вспыхивал алым, как далёкая звезда. Вокруг него, словно планеты вокруг солнца, располагались россыпи более мелких белых бриллиантов, создавая эффект звёздного неба, заключённого в платину. Кольцо выглядело так, будто в нём действительно была частичка космоса. Антон сглотнул комок в горле. Это было оно.

Сам полёт на Мальдивы Юлия восприняла как заслуженный отдых. Она сидела в бизнес-классе, пила шампанское и смотрела в иллюминатор, не подозревая, что в кармане у Антона, в специальном бархатном мешочке, спрятанном подальше от любопытных глаз, лежит коробочка, от которой зависит всё их будущее. Он то и дело проверял, на месте ли она, и каждый раз сердце делало кульбит.

— Ты какой-то нервный, — заметила Юлия, поворачиваясь к нему. — Боишься летать?

— Боюсь не долететь до момента, который всё изменит, — уклончиво ответил Антон, и Юлия, решив, что это очередная философская сентенция в духе скуфа-аристократа, улыбнулась и погладила его по руке.

Мальдивы встретили их раем. Бесконечная бирюза океана, белоснежный песок, который был мягче муки, вилла на сваях с прозрачным полом, где под ногами проплывали разноцветные рыбы, а по утрам можно было спуститься по лестнице прямо в тёплую, как парное молоко, воду. Первые несколько дней они просто наслаждались: плавали, загорали, ели морепродукты в ресторане на пляже, смотрели закаты. Антон снял несколько смешных роликов — «Скуф на Мальдивах: как я пытался заняться сноркелингом и чуть не утонул в Индийский океан», «Граф остался с Костей: прямая трансляция кошачьего презрения через видеосвязь». Но в глубине души он ждал. Ждал того самого вечера.

И он настал.

Был пятый день их отпуска. Антон заказал частный ужин на отдельном песчаном островке — крошечной полоске суши в лагуне, куда можно было добраться только на лодке. Там, под открытым небом, был накрыт стол: свечи, цветы, шампанское, фрукты. Вокруг — ни души, только океан, звёзды и шум волн, мягко накатывающих на берег. Антон надел лёгкий белый костюм — тот самый, который Юлия выбрала для него в новом гардеробе, и чувствовал себя немного как Джеймс Бонд, только с залысинами и более смешной биографией. Юлия была в струящемся сиреневом платье, которое переливалось в свете свечей, и выглядела так, будто сама была частью этого звёздного неба.

Они ужинали, разговаривали обо всём и ни о чём, смеялись над тем, как Граф, оставшись с Костей, устроил забастовку и не ел полдня, пока Костя не извинился за то, что «недостаточно уважительно открыл консерву». Антон выпил для храбрости полбокала шампанского, но это не сильно помогло — его сердце колотилось так, что, казалось, его слышно за шумом прибора.

И вот, когда ужин подошёл к концу и на небе зажглись все звёзды, какие только можно было увидеть в этой части мира, Антон понял: пора. Он встал из-за стола. Юлия посмотрела на него с лёгким удивлением. Он протянул ей руку.

— Пойдём, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я хочу тебе кое-что показать.

Они прошли по мягкому песку к самой кромке воды. Волны тихо лизали их босые ноги. Над ними раскинулся Млечный Путь — яркий, отчётливый, как будто кто-то рассыпал бриллиантовую пыль по чёрному бархату. Антон остановился, повернулся к Юлии и взял её за обе руки.

— Юля, — начал он, и его голос предательски дрогнул. — Почти два года назад я зашёл в кафе «Убежище», чтобы выпить кофе и убить время. Я был скуфом в растянутой футболке, с единственным талантом — ловить падающие эклеры. А там была ты. Ты была как галактика, в которую я смотрел и не мог оторваться. Ты показалась мне такой же далёкой, такой же прекрасной, такой же непостижимой. Я думал тогда: такие женщины, как она, не встречаются с такими парнями, как я. Но ты встретила. Ты дала мне шанс. Ты смеялась над моими шутками, терпела мои горе-ужины, поддерживала мои безумные идеи. Ты сделала меня тем, кем я стал. Ты — мой космос.

Юлия замерла. Она уже понимала, что происходит, но не могла произнести ни слова. Её глаза наполнились слезами, и звёзды в них отражались так ярко, будто весь Млечный Путь решил поселиться в её взгляде.

Антон опустился на одно колено прямо в тёплый песок. Достал из кармана бархатную коробочку и открыл её. Фиолетовый бриллиант вспыхнул в свете звёзд, рассыпая вокруг себя маленькие радуги. Юлия ахнула и прижала ладони к лицу.

— Этот камень — фиолетовый, — продолжал Антон, и его голос теперь звучал уверенно, потому что он говорил правду, которую вынашивал в сердце многие месяцы. — Потому что фиолетовый — цвет космоса. Цвет туманностей, из которых рождаются звёзды. Цвет бесконечности. Ты для меня — как космос. Бесконечная. Таинственная. Каждый день я открываю тебя заново, и каждый раз это чудо. Ты — моя галактика, моя вселенная, моя вечность. И я хочу быть с тобой до конца моих дней. Я хочу быть твоим мужем. Юлия, ты выйдешь за меня?

Тишина, которая повисла после его слов, была наполнена только шумом волн и бешеным биением двух сердец. Юлия стояла, закрыв лицо руками, и плечи её вздрагивали. Прошла секунда. Другая. Третья. Антон уже начал волноваться, что переборщил с метафорой про космос, но тут Юлия отняла руки от лица, и он увидел, что она плачет — но это были самые счастливые слёзы в мире.

— Да, — сказала она. Сначала тихо, потом громче. — Да, да, да! Конечно, да! Ты... ты немыслимый человек! Ты купил фиолетовый бриллиант, потому что я люблю космос! Ты встал на колено на отдельном острове! Это даже круче вертолёта лопатой!

— Спасибо, я старался, — прошептал Антон, и его глаза тоже подозрительно заблестели.

Он надел кольцо на её палец. Оно село идеально — ювелир постарался на славу. Фиолетовый бриллиант сиял в окружении звёзд-малышек, и казалось, что в этой маленькой драгоценности заключена вся красота ночного неба. Юлия протянула руку вперёд, рассматривая кольцо, а потом бросилась в объятия Антона с такой силой, что они оба чуть не упали в набежавшую волну. Но устояли.

— Ты — моя вселенная, — прошептала она ему на ухо. — Ты — моя бесконечность. Я так тебя люблю.

Позже, когда они вернулись за стол, допили шампанское и просто сидели, обнявшись, глядя на звёзды, Юлия вдруг рассмеялась.

— Знаешь, о чём я жалею? — спросила она.

— О чём?

— Что здесь нет Графа. Он бы оценил. Наверное, даже мурлыкнул бы. Чуть-чуть.

— Граф сейчас с Костей, — ответил Антон. — Но я обещаю, что на свадьбе у него будет специальный галстук и почётное место. Может, даже разрешим ему украсть кольца.

— Только если он не проглотит их, — хмыкнула Юлия.

Они ещё долго сидели на том острове, и океан пел им свою бесконечную песню, а звёзды светили ярче, чем когда-либо, потому что этой ночью в мире стало на одну счастливую помолвку больше. Где-то на другом конце планеты Граф, сидевший у Кости в студии, вдруг проснулся, посмотрел в окно на звезду, которая вспыхнула особенно ярко, и тихо мурлыкнул. Он чувствовал: случилось что-то важное.

Глава 8. Стрим века: скуф, милфа и цифровая семья

Свадьбу они решили отложить на полгода — не потому, что сомневались, а потому, что хотели организовать всё идеально. Юлия, как опытный юрист, составляла список гостей с той же тщательностью, с какой раньше готовила документы для суда, а Антон insisted, чтобы в меню свадебного ужина обязательно были эклеры — «как символ нашего начала». Граф, разумеется, был назначен главным по кольцам, хотя большинство гостей сходились во мнении, что он, скорее всего, либо уснёт на церемонии, либо попытается утащить подушечку с кольцами в укромное место.

В ожидании свадьбы жизнь шла своим чередом. Блог Антона продолжал расти, подписчики требовали нового контента, и однажды вечером, когда они с Юлией сидели дома и лениво обсуждали, чем бы заняться, Антон предложил идею, которая, как ему казалось, была просто забавным развлечением на вечер. Он и представить не мог, во что это выльется.

— Слушай, — сказал он, листая библиотеку игр на своём новом мощном игровом ноутбуке, — а давай сыграем в Симс? Я сто лет в неё не играл. Помню, ещё в студенчестве пытался создать идеальную семью, но мой сим-скуф поставил микроволновку на плиту, и дом сгорел.

Юлия оторвалась от своего планшета и посмотрела на него с интересом:

— В Симс? Серьёзно? Я никогда не играла. Это же та игра, где человечки живут своей жизнью, а ты ими управляешь?

— Именно! — глаза Антона загорелись. — Я создам нас. Тебя и меня. И Графа. И мы построим дом мечты, и у нас будет цифровая семья, и никто не будет жечь еду! Ну, почти никто.

— Звучит как план, — Юлия отложила планшет и пересела поближе. — Только давай сразу объявим о стриме. Подписчики давно просили прямой эфир, а такой формат они точно оценят.

Идея была гениальной и пугающей одновременно. Антон быстро настроил оборудование, проверил камеру, микрофон и запустил анонс во всех социальных сетях: «Через час — экстренный стрим! Я и моя милфа играем в Симс. Создаём семью. Строим дом. Будет смешно, нелепо и, возможно, хаотично. Подключайтесь!»

Реакция была мгновенной. Чат начал заполняться ещё до начала трансляции. Люди писали: «Скуф и милфа в Симс — это будет эпично!», «Ставлю сто рублей, что их виртуальный дом сторит», «Граф должен быть в игре!», «Если они не назовут сима-ребёнка Эклером, я отпишусь».

Ровно в восемь вечера Антон запустил стрим. На старте было пятнадцать тысяч зрителей. Через десять минут — тридцать. Ещё через полчаса цифра перевалила за пятьдесят тысяч и продолжала стремительно расти. Камера показывала экран ноутбука, где запускалась игра, и лица Антона и Юлии в маленьком окошке в углу. Антон был в своей любимой футболке с надписью «Скуф-аристократ» — теперь уже из новой коллекции, более облегающей, подчёркивающей его преобразившуюся фигуру. Юлия, сияющая от предвкушения, устроилась рядом, и в её руке был бокал с чем-то, что чат немедленно окрестил «эликсиром милфы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.